

Дорога двух врагов

А.М. Сунгурский

18+

А.М. Сунгурский
Дорога двух врагов

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Дорога двух врагов / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Сибирь, 1908 год. В Бодайбо поселенец Кондрат Ельцов находит человека, чьи показания отправили его на каторгу. Он пришёл убить Игната Селиванова. Но прежде чем Кондрат успевает довести задуманное до конца, бывший компаньон произносит: «Нюра жива». Дочь, которую Кондрат много лет считал умершей, могла его ждать. След ведёт в Киренск — к женщине, получавшей деньги от Игната. Кондрат вынуждает врага идти с ним. Впереди реки, пристани и долгий сухой тракт; позади — человек, которому нужны спрятанные Игнатом бумаги. Чем ближе дочь, тем труднее Кондрату отличить новую ложь от правды — и понять, что делать с человеком, которого он всё ещё ненавидит.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сапоги	5
Глава 2. Письмо без адреса	11
Глава 3. Две спицы	17
Глава 4. Ниже по воде	23
Глава 5. Пустая лодка	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

А.М. Сунгурский

Дорога двух врагов

Глава 1. Сапоги

Человек, которого Кондрат собирался убить, жаловался на тесные сапоги.

Он сидел у раскрытой двери лавки, выставив ногу на свет, и пытался устроить ступню поудобнее. Сапожник стоял перед ним на коленях. Когда покупатель сказал что-то негромкое, оба засмеялись; Кондрат не расслышал слов, но смех узнал сразу. Так Игнат смеялся, если удавалось заставить другого человека самому объяснить, почему с него следует взять меньше.

За одиннадцать лет лицо у него раздалось. Волосы поредели над висками, в усах появилась седина, зато шея над мягким воротником была полная, здоровая. У Кондрата почему-то перехватило дыхание именно от этой шеи. На каторге он представлял, как Игнат постарел, заболел, как потерял зубы или руку. Не потому, что верил в возмездие. Ему требовалось, чтобы время поработало и над тем человеком, пока сам он таскал камень и учился засыпать прежде, чем сосед начнёт кашлять.

Игнат упёрся пяткой в порог.

— В подъёме жмут. Ты мне подъём прибавь, а цену оставь.

— Сапог не подушка, Игнат Максимович. Ему перьев не набьёшь.

— Я и прошу без перьев. За перья вы отдельно берёте.

Кондрат отошёл к телеге, из которой выгружали муку. Он сделал это вовремя: Игнат поднял голову, провожая взглядом женщину с корзиной, и оглядел улицу поверх её платка. Кондрат взял за нижний угол мешок, уже спущенный с воза, и помог грузчику подхватить его на спину.

— Эй, мужик, ты от кого?

— Ни от кого.

— Тогда не стой. Ещё четыре.

До восьмого июля Кондрат не знал, как выглядит человек, которого он ищет теперь. Помнил тридцатилетнего Игната с острым лицом и белым шрамом у левой брови. Три дня назад плотник из приисковой артели сказал ему, что в Бодайбо есть такой Селиванов, посредник по перевозкам: шрам на месте, только бровь на него сползла. Плотник говорил о долге за работу, а Кондрат слушал, как будто речь шла об обычном должнике. Он даже спросил, сколько недоплатили. Семь рублей. За семь рублей Игната здесь помнили лучше, чем за всё остальное.

Теперь он видел его в двадцати шагах от себя и не мог подойти.

Это не было страхом. За последние годы он успел познакомиться со страхом настолько близко, что не нуждался в других названиях. Сейчас мешало другое: если Игнат увидит его при людях, придётся немедленно что-нибудь делать. Заговорить, ударить, уйти. А Кондрат долго шёл к этому дню и не хотел отдавать его первой случайной минуте.

Он подал последний мешок. Грузчик распрямился, отряхнул затылок и сунул Кондрату из кармана две медные монеты.

— Больше не дам. Ты со мной не рядился.

Кондрат посмотрел на ладонь. Шесть копеек.

— И на том спасибо.

У лавки Игнат уже стоял в своих прежних сапогах. Новые, связанные за ушки, держал в руке. Сапожник пошёл за ним до края настила, продолжая говорить, но Игнат не обернулся. Он помахал сапогами, словно благодарил за подарок, и направился к реке.

Кондрат двинулся следом.

Бодайбо с утра пахло нагретой грязью, конским потом и рыбой. За домами темнел лес, а ниже улицы, в промежутках между крышами, открывалась широкая светлая вода. На Витиме работал пароход: доносились свистки, хлопанье досок, человеческие голоса, которые на берегу терялись в общем шуме, а над рекой почему-то становились разборчивыми. Кондрат не знал здесь всех проходов. Он дважды приезжал с артельным грузом, ночевал возле склада Немцева, потом уходил на работу. Зато Игнат шёл уверенно и здоровался почти через каждые десять шагов.

Он остановился у открытой конторы. Изнутри вышел высокий человек в сером пиджаке, хотя для пиджака день был жаркий. Сначала Кондрат увидел только его руку: два пальца придерживали Игната за пуговицу жилета. Не хватало, не тянули — как будто человек собирался снять с ткани нитку. Игнат перестал улыбаться.

До Кондрата долетело:

— Завтра, Никанор. Я сказал — завтра.

Человек ответил ещё тише. Пуговицу он отпустил, но встал так, что Игнату пришлось обходить его по краю настила. Новые сапоги ударились о перила. Игнат остановился, посмотрел на кожу, провёл по ней ладонью и только после этого ушёл.

Кондрат переждал возле телеги с пустыми бочками. Высокий повернулся к улице, и теперь стало видно его лицо: молодое, с редкими светлыми усами и тяжёлой нижней челюстью. Он поглядел вслед Игнату без злости, скорее с досадой человека, которому опять поручили чужую неприятную работу. Потом вернулся в контору.

Игнат спустился к берегу и свернул к длинному дощатому складу. Возле ворот спорили двое: один показывал на привязанную лодку, другой — на стопку досок. Игнат послушал их, положил сапоги на бочку и заговорил сам. Кондрат не слышал, что он сказал, но через минуту человек у лодки начал смеяться, а второй сердито протянул ему руку. Игнат поднял сапоги и вошёл в склад.

Кондрат остался наверху.

Он мог бы прийти вечером и подождать у воды. Склад имел выход на берег; людей там к ночи станет меньше. Эта мысль была настолько простой, что он испытал облегчение. С утра ему казалось, будто теперь придётся неотрывно смотреть на Игната, иначе тот исчезнет. Но у человека были дела, ночлег, новые сапоги, обещание на завтра. Он не собирался бежать из собственной жизни.

Кондрат вернулся к сараю, где держал дорожный мешок.

Хозяин, Филипп Немцев, стоял в дверях и отламывал куски от круглого каравая. На рукаве у него засохло тесто: хлеб пекла жена, но возле печи он непременно вшивался и каждый раз приносил доказательство домой на одежде.

— Нашёл?

Кондрат остановился.

— Кого?

— Работу, кого же. Ты с утра будто медведя караулишь. На пристань сбегашь, обратно придёшь. Есть не хочешь.

— Нашёл одно дело.

— Доброе?

Немцев спросил без особого любопытства. Он уже смотрел на колесо телеги, которое привезли чинить: спица надломилась у ступицы, и колесо поставили криво, подперев кирпичом.

— Погляди-ка. До послезавтра сделаешь?

Кондрат присел. Трещина шла вдоль дерева; от новой спицы не было бы толку, если оставить расшатавшееся соседнее гнездо.

— Стянуть надо. И две менять.

— Одной не отделаешься?

— Можно одну. До первой ямы.

Немцев вздохнул.

— Делай две. Мне твоё ученье уже дороже колеса выходит.

Кондрат поднялся. Сказать «не сделаю» оказалось трудно. На завтра у него ничего не было. Он старательно устраивал всё так, чтобы завтра не требовало ни денег, ни работы, ни объяснения, куда он ушёл. Но Немцев ждал ответа, держа каравай обеими руками, и в этом ожидании было что-то, чего Кондрат не предусмотрел.

— С утра начну, — сказал он.

— Вот и ладно. Руки вымой, хозяйка щи ставит.

За столом было тесно. Младший сын Немцева сидел на перевёрнутой кадке: стульев на всех не хватило. Старшая дочь пришивала к рубахе пуговицу и отодвигала работу всякий раз, как отец тянулся через неё за хлебом. Кондрат ел медленно. Щи были горячие, наваристые, с крупно нарезанной капустой. Хозяйка заметила, что он не берёт второй кусок мяса, и сама пододвинула ему миску.

— Не для погляденья положено.

Он поблагодарил.

Когда дочь проколола иглой палец, Немцев сказал, что у неё два занятия на одном стуле, вот и не помещаются. Девушка показала ему палец и засмеялась. Кондрат посмотрел на нитку, натянутую между её рукой и рубахой, и вдруг вспомнил, как Нюра пыталась пришить ему пуговицу почти у самого подбородка. Он стоял перед ней на коленях, а она просила не дышать. Долго не дышать не получалось, и всякий раз дочь начинала сердиться так серьёзно, что Марфа отворачивалась к окну, скрывая смех.

Нюре тогда было девять.

Он положил ложку, хотя миска ещё не опустела.

— Наелся? — спросила хозяйка.

— Наелся.

В сарае он открыл мешок. Наверху лежала рубаха, которую он берег для дороги, под ней — запасные портянки, завёрнутые в холст сухари и жестяная коробка. В коробке хранились деньги, нитки с иглой и поселенческая книжка в клеёночной обёртке. Кондрат вынул книжку, провёл пальцем по краю обложки и положил обратно.

Осенью будет три года, как его водворили в Киренском уезде. Он мог отлучаться на заработки с ведома полиции, показывал документ, отвечал, куда и зачем едет, слушал, как люди читают в нём то, чего он сам уже не хотел видеть. Этот сезон начался с обычного найма у Немцева. Кондрат сопровождал припасы, работал на стоянках, приглядывал за лошадьми. Деньги были небольшие, но свои. На его пути до Бодайбо не было ни побега, ни чужого имени.

К вечеру всё это могло кончиться.

Он достал нож. Длинное рабочее лезвие было вытерто до матового блеска; у рукояти темнело узкое пятно, которое не удалось снять песком. Кондрат проверил пальцем обух и вложил нож в ножны. Взял с собой только его, кисет и небольшую верёвку, которой обычно стягивал свёрток. Мешок оставил открытым, чтобы не пришлось потом долго искать вещи, если Немцев решит отдать их кому-нибудь.

Выйдя, он вернулся и убрал книжку глубже, под рубаху.

* * *

Вечером Игнат ещё работал.

Кондрат видел его через щель между неплотно сведёнными воротами. Внутри передвигали тюки. Игнат записывал что-то в книжку, прижимая лист к доске левой рукой. Правой

он писал быстро, без остановок. Когда один из работников попросил прочесть сумму, Игнат наклонился к нему и показал пальцем. Работник переспросил, Игнат повторил, на этот раз громче. Спора не получилось.

Кондрат подождал за углом, где лежали обрезки досок.

Вода под берегом шуршала, теребя ослабевшую верёвку лодки. На другом берегу лес уже сделался почти чёрным, но здесь ещё можно было различить щепки у ног. Возле соседнего склада женщина звала мальчика домой, потом махнула рукой и сама пошла за ним. Мальчик бежал по настилу, придерживая штаны. Всё было обыкновенно; Кондрату казалось несправедливым, что вечер ничего не меняет, никак не выдаёт того, зачем он стоит здесь с ножом.

Из склада вышли двое работников. Один задержался у ворот, прикуривая, другой уже спускался к лодкам. Игнат остался внутри. Он поднял с бочки свёрток с сапогами, затем вспомнил что-то и вернулся к столу.

Кондрат вошёл.

Игнат не оглянулся.

— Завтра запишем, Меркул. Уже свёл.

— Меня запиши.

Игнат повернул голову. Сначала он посмотрел на одежду Кондрата, на руки, на дверь у него за спиной. Потом поднял глаза.

Ничего не произошло. Не выпала книжка, не послышался крик. Только губы у Игната медленно разошлись, будто он собирался произнести слово, для которого не хватало воздуха.

— Кондратий.

— Узнал.

Игнат поставил сапоги на стол. Аккуратно, подошвами вниз.

— Я думал...

— Знаю, что думал.

Кондрат прикрыл за собой ворота. Не запер: засов находился снаружи. Он встал так, чтобы Игнату пришлось пройти мимо него к выходу.

— Ты когда приехал?

— Три дня.

— Три дня. И не зашёл.

От этого Кондрат чуть не ударил его сразу. Игнат заметил движение плеча, поднял обе ладони и попятился к столу.

— Не то сказал. Господи, Кондрат, не то. Я не знаю, как с тобой говорить.

— Говорить не надо.

Теперь Игнат посмотрел на его пояс.

— Здесь люди. Работники вернутся.

— Вернутся.

— Ты ведь не за этим столько лет...

Кондрат шагнул к нему. Игнат попытался обойти стол, но зацепился сапогом за лежавшую на полу поперечину. Он чуть не упал, успел схватиться за край. Кондрат прижал его предплечье к доске и вытащил нож.

Лицо Игната оказалось совсем близко. На лбу выступили маленькие капли пота. Он пах мылом и тёплой кожей; запах был новый, незнакомый. Кондрат помнил от него махорку, мокрый войлок, прелую солому. Этот человек успел завести себе даже другой запах.

— Слушай меня, — сказал Игнат. Голос у него сорвался. Он сглотнул и повторил: — Послушай. Один раз.

Кондрат сильнее надавил на руку. Игнат охнул.

— Ты меня слушал?

Игнат перевёл взгляд с ножа на его лицо.

— Нюра жива.

Кондрат не сразу понял слова. Они прозвучали слишком отдельно от склада, от чужой руки под его ладонью, от плоского стола, на котором Игнат недавно выводил цифры.

— Не смей.

— Анна. Дочь твоя. Она жива.

Кондрат ударил его рукоятью в плечо. Игнат согнулся, но не перестал говорить:

— В Киренске была. У Серафимы Курочкиной. Я денег ей посылал. Не ей — старухе. У меня квитанция. Есть квитанция, Кондрат.

— Не смей её трогать.

— Да я не трогаю! — Игнат впервые повысил голос и сразу испугался собственного крика. — Не трогаю. Ты хочешь, я покажу? Квитанцию покажу. Письмо.

В щель ворот потянуло прохладой. Кондрат слышал, как внизу стукнулась о берег лодка. Он попробовал вспомнить, откуда знал, что дочь умерла. Не голос Марфы, не письмо её рукой. Человек в пересыльной камере, привезённый с Енисея. Слова, которые тот передал от Игната: обеих нет, зимой горячка, дом продан. Кондрат помнил, как спрашивал ещё раз, как пытался поймать его на несходстве дат. Тот человек потом ушёл с другой партией. Больше спросить было некого.

Игнат осторожно шевельнул прижатой рукой.

— Дай я достану. В кармане жилета. Сам возьми, если не веришь.

Кондрат держал нож в правой руке. Левой он обыскал жилет, нашёл плоскую кожаную книжку и отступил на полшага. Игнат не выпрямлялся. Стоял, опираясь локтем о стол, и смотрел на нож.

Кондрат положил книжку на стол и раскрыл свободной рукой. Внутри были расписки, листки со столбцами цифр, истёртая визитная карточка. Он начал вынимать всё подряд. Два листка упали на пол.

— Синяя, — сказал Игнат. — Квитанция на перевод. Майская.

Кондрат нашёл её. В свете у щели прочёл фамилию получательницы, Киренск, пять рублей. На бумаге стоял почтовый штампель. Анны в ней не было.

— Это старуха твоя.

— Да. Через неё передавал. Письмо у меня в жилёе. Она писала. Нюра твоя. Там будет её рука.

— Ты видел её?

Игнат замедлил ответ ровно настолько, чтобы Кондрат заметил.

— Видел.

— Когда?

— Давно. Но деньги идут. Курочкина отвечает.

Кондрат посмотрел на квитанцию ещё раз. Пять рублей. Столько могло стоить любое Игнатово дело. За этими цифрами могло не быть ни дочери, ни старухи. Игнат всегда умел поставить перед человеком что-нибудь настоящее, чтобы за ним спрятать выдуманное.

— Где живёшь?

— У Варламовой. Две улицы вверх. Я покажу.

Кондрат убрал квитанцию в свою рубаху. Остальные бумаги положил на стол, не собирая.

— Пойдём.

Игнат посмотрел на ворота, потом на новые сапоги.

— Можно возьму?

Кондрату захотелось рассмеяться. Он едва удержался; смех был бы хуже удара.

— Возьми.

Игнат потянулся за свёртком. Рука у него дрожала, и он долго не мог подхватить обе петли разом. Кондрат смотрел, как человек, только что назвавший его дочь живой, пытается унести из склада свои новые сапоги.

Они вышли в незаконченный вечер. Кондрат держал нож под полкой куртки, остриём к земле. Впереди шёл Игнат, прижимая свёрток к боку, а над водой всё ещё было светло.

Глава 2. Письмо без адреса

Варламова увидела сапоги и приняла Игната за человека, который наконец собрался платить.

— Купил, значит. А мне всё к субботе да к субботе.

Она сидела у входа на низкой скамье, чистила рыбу над тазом и не встала, когда мужчины поднялись на крыльцо. На её переднике блестела чешуя. Игнат переступил с ноги на ногу: старые сапоги, в которых он ходил целый день, тоже начали жать.

— Ульяна Федотовна, я разве когда тебя обманывал?

— В прошлую субботу.

— Не обманул, а задержал. Это разное.

Варламова переложила рыбу в другую руку и посмотрела на Кондрата. Её взгляд задержался на его правой руке под полкой.

— А этот к кому?

— Со мной. Земляк. Давно не виделись.

— Вижу, что давно. Игнат Максимыч, за гостя отдельно. Кипяток ещё есть, самовар не раздуваю.

Она снова занялась рыбой. Кондрат прошёл за Игнатом в сени. Здесь пахло сырими половиками и керосином; с верхней ступеньки свешивался рукав чьей-то рубахи. Игнат поднялся боком, придерживаясь левой рукой за стену. Правое плечо после удара он старался не двигать.

Комната оказалась меньше той, которую Кондрат успел вообразить. Он ждал добротного сундука, мягкой постели, дорогого дорожного мешка: чего-нибудь, что можно будет поставить рядом с одиннадцатью отнятыми годами. У стены стояла железная кровать с продавленной серединой. В другом углу — чемодан с оборванным ремнём; под столом виднелся носок единственной комнатной туфли. На гвозде висел тёмный сюртук.

Игнат положил новые сапоги на кровать, осторожно стянул жилет из грубой серой материи и повесил рядом с сюртуком. Отворот жилета был распушен, из него торчала игла с ниткой. Игнат сел на кровать и начал стягивать старые сапоги.

— Письмо, — сказал Кондрат.

— Дай разуться. Нога горит.

Кондрат запер дверь на крючок. Нож он всё ещё держал под полкой; теперь вынул, посмотрел на лезвие и вложил в ножны. Игнат следил за этим, не наклоняясь к сапогу.

— Письмо.

Тот медленно встал. Подошёл к чемодану, достал узкую жестяную коробку и поставил её на стол. Сверху лежали воротнички, под ними — письма, счёт за постой, фотографическая карточка незнакомой женщины. Игнат отодвинул карточку лицом вниз, выбрал сложенный вчетверо лист.

— Вот.

Кондрат не сразу взял. Он заметил, что Игнат протянул бумагу двумя пальцами, за самый угол, словно предлагал что-нибудь съедобное зверю.

«Милостивый государь Игнат Максимович...»

Почерк был незнакомый. Ровные строки, крупные прописные буквы, несколько густо зачёркнутых слов. Кондрат поднёс лист ближе к окну. Там оставалось достаточно света, но первые две строки он прочёл трижды и всё никак не мог заставить их сложиться в смысл.

«За присланные деньги благодарствую. Серафима Прохоровна купила мне башмаки, а прежние отдала Устинье. Только Вы впредь столько не присылайте, у Вас и своих расходов довольно...»

Ниже было о работе у портнихи, о чём-то больном плече, о морозах, которые пришли раньше срока. Подпись: «Остаюсь с уважением Анна Ельцова». Дата — ноябрь тысяча девятьсот второго года.

Почти шесть лет.

Кондрат положил письмо на стол и расправил ладонью сгиб.

— Это старое.

— Какое есть.

— Ты сказал — письмо от неё.

— Оно от неё и есть. Гляди подпись.

Кондрат посмотрел на него. Игнат сделал шаг к кровати, но садиться не стал.

— Недавно Курочкина отвечала, — сказал он. — Майская квитанция у тебя. Я бы стал мёртвой посылать?

— Курочкиной посылал.

Игнат разжал губы и опять сжал. Кондрат увидел, что под нижней губой у него бьётся маленькая жилка.

— Она жива, — сказал Игнат. — Клянусь тебе.

— Ты уже клялся.

Кондрат снова взял лист. В самом низу, сбоку от подписи, была приписка более тесным почерком: «Про отца Вы верно узнали? Серафима Прохоровна говорит, что такие вести бывают ошибочны. Если бы Вы могли спросить ещё, я бы всю жизнь за Вас молилась».

Он долго смотрел на слова, которые шли вверх, к правому краю, потому что девушке не хватило места. На последнем слове перо зацепилось за бумагу и оставило маленькую кляксу.

— Что ты ей про меня сказал?

Игнат потёр шею под воротником.

— Пришло известие.

— Откуда?

— Люди говорили. Ты же знаешь, как оттуда доходило. Сегодня один, завтра другой. Я сам думал...

— Что сказал?

За дверью кто-то спустился по лестнице. Ступени скрипели одна за другой; потом внизу Варламова попросила не хлопать входной дверью, потому что петля опять отошла. Игнат ждал, пока утихнет голос.

— Что тебя нет, — ответил он.

Кондрат упёрся пальцами в край стола. Доска была липкая. Он видел засохший чайный круг рядом с письмом и думал, что надо отодвинуть бумагу, иначе прилипнет. Руки не слушались.

Теперь известие, принесённое ему зимой в пересыльной камере, стало другим. Тогда пришедший с запада бородатый человек долго вспоминал фамилию. Говорил, что встретил Селиванова возле Енисейска, что тот велел передать земляку: Марфа и девочка умерли, обе от горячки, одна за другой. Человек путал месяц, жалел, что не захватил какой-нибудь бумажки, потом отдал Кондрату половину своего хлеба. Эту половину Кондрат помнил особенно ясно. Он съел её, хотя только что узнал, что есть ему больше незачем.

— Ты был у Марфы? — спросил он.

— Был.

— Когда?

— Ещё до Киренска. Потом к Серафиме ездил.

— Марфа умерла?

Игнат отвёл взгляд. Кондрат понял ответ прежде слов, и всё равно дождался.

— Марфа умерла. В первом году. Курочкина писала. Там лжи нет.

Это «там» Игнат произнёс неосторожно. Он тоже услышал его и начал что-то говорить, но Кондрат поднял руку.

Он боялся, что Игнат сейчас расскажет о болезни Марфы. Назовёт чужие подробности, которых сам не видел, и эти подробности навсегда займут место того, что было на самом деле. Хотелось спросить всё сразу и не слышать от него больше ни слова.

— Где она похоронена?

— В Киренске.

— Курочкина знает?

— Да.

Кондрат сложил письмо по старым сгибам. Один сгиб расходился, и он придержал его пальцем. Почти шесть лет назад дочь просила спросить о нём ещё раз. Ей было восемнадцать. Он попытался представить восемнадцатилетнюю Нюру, но видел девочку, которой сам обрезал волосы после того, как она вымазала их смолой. Марфа тогда велела ему отойти с ножницами и больше ничего не улучшать.

— Поедешь со мной, — сказал он.

Игнат не спросил куда.

— До Киренска.

— Пока до Киренска.

— На что поедем?

Кондрат поднял глаза.

— У тебя есть.

Игнат коротко засмеялся. Смех вышел неприятный, мокрый.

— Есть. Три рубля семьдесят две копейки. Если хозяйке отдать, не будет и того. Ты думаешь, я тут золотом набитый сажу?

Он вывернул карманы брюк. Посыпались мелочь, обрывок бечёвки, две спички. Из внутреннего кармана сюртука Игнат достал бумажник, раскрыл и показал три рублёвые бумажки. Кондрат видел достаточно хорошо, чтобы заметить за ними угол другой бумаги, но не стал пока требовать её. Деньги он велел положить на стол.

— Завтра мне дадут, — сказал Игнат. — За расчёт. Получу, и поедем.

— Никанор даст?

У Игната изменилось лицо.

— Ты давно за мной?

— Хватило.

— С Никанором не всё так просто.

Он взял с гвоздя серый жилет. Игла качнулась на нитке; Игнат поймал её, воткнул в подкладку и сложил жилет на чемодан. Движение было поспешное. Кондрат запомнил его, не понимая пока, что именно ему не понравилось.

Внизу открылась входная дверь. Варламова сказала кому-то, что часы на стене висят не для украшения и всякий раз будить жильцов она не намерена.

Игнат замер.

— Здесь я не сплю, — произнёс мужской голос. — Мне недолго.

Кондрат узнал голос раньше, чем шаги на лестнице.

Игнат показал на крючок. Кондрат покачал головой. Тогда Игнат подошёл к нему вплотную и прошептал:

— Не говори, кто ты. Прошу тебя. Ты не знаешь, во что суёшься.

В дверь постучали. Не громко; два удара с промежутком, за который можно было успеть подойти.

— Игнат Максимыч. Отвори.

— Поздно, Никанор.

— Светло ещё.

Кондрат убрал письмо за пазуху к квитанции. Игнат посмотрел ему в глаза, отцепил крючок и открыл дверь ровно настолько, чтобы самому остаться в проёме.

Никанор оказался выше, чем виделось днём. Он был без шапки, с аккуратно причёсанными светлыми волосами; под мышкой держал свёрнутый дождевой плащ. Никакого оружия Кондрат не увидел. Никанор посмотрел поверх плеча Игната, затем мягко отодвинул его ладонью и вошёл.

— А я думал, ты один.

— Земляк приехал, — сказал Игнат.

— Земляков у нас много. Из каких?

— Из Киренского уезда, — ответил Кондрат.

Это было правдой о месте его нынешнего жительства. Имени он не назвал. Никанор кивнул и поставил плащ у стола.

— Я не помешаю. У нас разговор на минуту.

Игнат начал собирать деньги. Он убрал мелочь, но рубли не сразу смог поднять с доски: пальцы скользили по бумаге. Никанор подождал, потом сам подтолкнул их к нему.

— Демьян Александрыч спрашивает, почему ты переменял условие.

Кондрат почувствовал, как напряглась спина. Латышев. Имя и отчество ещё ничего не доказывали: Демьянов Александровичей могло быть много. Но Игнат слишком внимательно следил за его лицом.

— Я ничего не переменял, — сказал он. — Я просил привезти всё, что договорено.

— Ты просил двести. Теперь пятьсот. Это как называется?

— Он знает, за что.

Никанор повернул голову к Кондрату.

— Ваш земляк останется?

— Останется, — ответил Кондрат.

— Игната Максимыча спрашиваю.

— Пусть, — сказал Игнат. — Он не вникает.

— Удивительный человек. Сам остаётся, а не вникает.

Никанор сел на единственный стул. Кондрат стоял у окна; чтобы добраться до двери, ему пришлось бы пройти между кроватью и столом. Он отметил это без усилия, как отмечал береговой камень, прежде чем направить лодку.

— Завтра в десять, — сказал Никанор. — У Кравцова. Принесёшь, получишь. Без твоих новых затей.

— Не к Кравцову. Здесь.

— Здесь хозяйка.

— Вот и хорошо.

Никанор посмотрел на сапоги, потом на раскрытый чемодан.

— Далеко собрался?

— Обновку купил. На старости лет, с позволения твоего.

— Какая у тебя старость. Ты ещё всех нас переживёшь.

Он произнёс это с лёгкой улыбкой, но Игнат перестал тереть больное плечо. Несколько секунд никто не говорил. Из соседней комнаты донёсся кашель, потом звук воды, которую выливали в таз.

Кондрат взял со стола жестяную коробку, закрыл и поставил на чемодан. Никанор проследил за его рукой.

— Помогаешь складываться?

— Место освобождаю.

— Неплохо бы и мне освободить. У нас свой разговор.

Кондрат не ответил. Он уже решил, что если Никанор потянется к Игнату, то надо ударить его в живот, прежде чем тот распрямится. Решение пришло спокойно, почти привычно. Потом Кондрат услышал, как за стеной женщина уговаривает кашляющего ребёнка сделать ещё глоток, и впервые за этот вечер подумал, в каком доме собирается махать ножом.

— Ульяна Федотовна! — крикнул он.

Игнат вздрогнул. Никанор остался сидеть.

— Чего ещё? — отозвались снизу.

— Кипятку можно?

— Сказано, не раздуваю!

— Какой есть. И чашки три. Я заплачу.

На лестнице загремел поднос. Варламова шла, бранясь, и остановилась в дверях, окинув взглядом троих мужчин.

— Вы тут ещё ночевать вздумайте все.

Никанор поднялся, забрал плащ.

— Не придётся. Мы с Игнатом Максимычем договорили.

— Завтра здесь, — сказал Игнат.

Никанор не ответил. На пороге он повернулся к Кондрату.

— А как тебя всё-таки звать, земляк?

Кондрат промолчал. Варламова поставила поднос на стол так резко, что вода выплеснулась из чайника.

— Как звать, так и откликается. Мне-то денег дайте кто-нибудь.

Игнат сунул ей рубль. Она удивилась, посмотрела его на свет и только после этого отступила с дороги. Никанор ушёл. Ступени под ним скрипели медленнее, чем под хозяйкой.

Игнат закрыл дверь и опёрся на неё спиной.

— Теперь доволен?

— Чем?

— Он тебя запомнил.

Кондрат подошёл к столу. Разлитая вода добралась до того места, где лежало письмо. Он провёл по доске рукавом.

— Что ты ему несёшь?

— Расчётные бумаги.

— За пятьсот рублей?

— А ты думал, я только чужие узлы таскаю?

Игнат оттолкнулся от двери, сел на кровать и наконец стянул сапог. Стопа была красная, над пяткой вздулся пузырь. Он потрогал его и зашипел.

Кондрат смотрел на эту голую ногу. Он помнил другую: почерневшие пальцы человека, который шёл рядом с ним по этапу и всё повторял, что жена не узнает его в таких сапогах. Человек умер прежде, чем это стало иметь значение. Игнат между тем дул себе на пятку, совершенно поглощённый болью.

— Латышев? — спросил Кондрат.

Игнат перестал дуть.

— Да.

— Он знает, что я здесь?

— От меня — нет.

— А Никанор?

— Не знаю.

Кондрат сел на край стула. Ему хотелось снова достать нож, и от этого хотелось встать и выйти. Он не мог отличить, чего в нём больше: желания заставить Игната говорить или страха услышать ещё одно известие, после которого придётся заново разбирать всю свою жизнь.

— К утру соберёшься, — сказал он. — Пойдём к Немцеву. Мне там дело кончить надо.

— До десяти успеем?

— К Никанору не пойдёшь.

— Это мои деньги.

— Получишь — сам с ним поедешь. Мне не нужен.

Игнат поднял голову. Кондрат понял, что впервые сказал не то, чего хотел. Игнат был ему нужен. Письмо было старое, Курочкина могла умереть или уехать, и без человека, который знал их жизнь, он снова останется перед закрытой дверью.

Но Игнат тоже не знал, правда ли сказанное. Он посмотрел на ножны у пояса Кондрата, на дверь, на свои сапоги. Наконец потянулся за вторым.

— Хоть чаю налей. Зря, что ли, старуху поднял.

Кондрат налил. Чайник оказался почти полный; Варламова всё-таки добавила горячего. Они пили без заварки, потому что ни один не захотел спрашивать у другого, где она лежит.

Потом Игнат лёг поверх покрывала, положив новые сапоги под кровать. Кондрат устроился на стуле поперёк двери. Шнурком, который принёс с собой, он связал дверную ручку со своим запястьем. Игнат следил за ним.

— Стану ночью выходить — что, дозволения просить?

— Разбудишь.

— И пойдёшь со мной?

Кондрат затянул петлю так, чтобы не давила.

— Пойду.

Игнат отвернулся к стене. Через некоторое время его дыхание выровнялось. Кондрат не поверил, что он спит, но свет в окне медленно слабел, а человек на кровати больше не шевелился.

Кондрат достал письмо. На этот раз он прочёл всё, от обращения до приписки, не пропуская слов о башмаках, портнихе и ранних морозах. Дочь жила после той зимы, в которую он её похоронил. Покупала обувь, училась шить, благодарила Игната.

Он убрал бумагу и положил свободную руку на колено. Из-за стены снова донёсся кашель. Ребёнок позвал мать, и та отозвалась сразу.

Глава 3. Две спицы

К рассвету Кондрат всё-таки уснул и проснулся от того, что Игнат трогал его за плечо.

Он вскочил прежде, чем понял, где находится. Стул ударился о стену, шнурок натянулся на запястье. Игнат отступил к кровати, держа обе руки перед собой.

— Тише. Ты сам велел будить.

Кондрат отвязал руку. На коже осталась красная полоса. Он спал сидя меньше часа, и лицо казалось чужим, распухшим; во рту стоял вкус вчерашнего кипятка.

Игнат был босой. Стоял на полу, поджимая натёртую пятку, и ждал с таким оскорблённым видом, словно Кондрат нарушил уговор.

Они спустились во двор. Варламова уже возилась у печи в отдельной летней кухне. Увидев мужчин, она молча указала, куда идти. Игнат пошёл за сарай; Кондрат остался у угла. На земле возле поленницы лежала кукла без головы, одетая в чистый лоскут. По этому лоскуту ползла муха. Кондрат отогнал её носком сапога, сам не зная зачем.

Когда они вернулись, хозяйка поджидала у крыльца с Игнатовым сюртуком в руках.

— Съезжаешь?

— На день-другой. Чемодан оставляю.

— И долг оставишь?

— Вчера же дал.

— Вчерашним прежнее закрыл. За эти две ночи ещё два рубля. За чай с вас не беру, вода речная.

Игнат оглянулся на Кондрата. Тот посмотрел на сюртук. Варламова держала его бережно, сложив подкладкой наружу, и видно было, что залог этот ей знаком не впервые.

Игнат отдал два рубля. Хозяйка вернула сюртук.

— Только в долг больше не пущу, Максимыч. Ты человек разговорный, а я простая. Мне с твоих слов муки не купить.

Наверху Игнат быстро сложил в мешок бельё, коробку с письмами и новый сапог, потом второй. Старые решил надеть на дорогу. Кондрат видел, как он вынул иглу из серого жилета и убрал в спичечную коробку. Жилет Игнат надел под сюртук, застегнул до самого верха.

— Зашить не успел, — сказал он, заметив взгляд.

— Зашей.

— Потом. Нам ещё к складу зайти надо. Книжка там осталась.

Кондрат вспомнил бумаги на столе. От этой забывчивости ему стало не по себе. Вчера он видел только Игнатово лицо и нож; всё остальное могло остаться где угодно.

— Сначала к Немцеву.

— По пути же.

— Сначала к Немцеву.

Игнат затянул горловину мешка.

— Я тебя слышал с первого раза.

На улице уже поднялась пыль. Над крышами тянулся дым, у водоразборной бочки ругались две женщины, и Кондрату чудилось, что весь город давно знает: он проспал своё решение и теперь идёт утром с человеком, которого собирался убить вечером. Игнат шагал рядом, слегка прихрамывая, и всё пытался поймать его взгляд, будто у них осталось какое-то частное недоразумение.

Немцев встретил их у снятого колеса.

— А я уж думал, ты передумал. Сам начал, да топорище расшаталось.

Он протянул Кондрату топор и лишь после этого оглядел спутника.

— Это к нам?

— Со мной побудет. Игнат.

— Филипп, — сказал Немцев. — Побудет так побудет. Руками умеешь?

— Считать умею.

— Здесь вроде всё посчитано. Двенадцать спиц, двух не хватает.

Игнат улыбнулся, но Немцев уже отвернулся. Он не любил людей, которые заранее устраивали себе работу полегче.

Кондрат сходил в сарай за своим мешком, поставил его у стены, вымыл руки из ковши и взял заготовку. У колеса были разбиты две соседние спицы; втулка держалась, обод удалось сохранить. Немцев положил рядом старую целую спицу для образца. Работа была знакомая. Надо было оставить древесине запас там, где войдёт в гнездо, и не снять лишнего по плечикам. Кондрат разметил заготовку углём, сел на чурбак и почувствовал неожиданное облегчение: у этой вещи было определённое устройство. Если он ошибётся, ошибку можно будет увидеть.

Игнат сел на перевёрнутый ящик возле ворот. Мешок поставил между ног.

— Ты куда после колеса? — спросил Немцев.

— Назад, к Киренску.

— С чего это? До августа рядились.

Кондрат остановил топор.

— Дочь нашлась.

Немцев, который собирался поднять обод, выпрямился.

— Ты говорил, померли обе.

— Дочь жива.

— Точно?

Кондрат посмотрел на Игната.

— Проверить надо.

Немцев ничего не ответил. Поднял обод, поставил его к стене, вернулся и сел на соседний чурбак. Он был моложе Кондрата года на три, но борода у него уже почти вся побелела. В ней застряли мелкие стружки.

— Ну, это другое, — сказал он наконец. — Только кто мне людей до зимовья проведёт? Я ведь не один тобой распоряжаюсь.

Они стали перебирать тех, кто мог бы заменить Кондрата. Одного Немцев не хотел: пьёт. Другой знал только нижнюю часть пути. Третий обещал другой артели. Кондрат предложил Никиту Воробьёва, с которым сводил лошадей ещё весной; Немцев подумал и послал старшего сына разыскать его у пристани.

— Если согласится, задаток ему отдашь.

— Отдам.

— И не потом. Здесь.

Кондрат кивнул. Игнат слушал, опустив голову. Когда Немцев отошёл, он заговорил тихо:

— Ты бы сказал, что тебя срочно вызывают. Зачем самому платить?

— Кто вызывает?

— Придумал бы кто. Не маленький.

Кондрат примерил новую спицу к образцу.

— Он из-за меня останется без человека.

— Так наймёт другого.

— Для того и плачу.

Игнат вздохнул, словно речь шла о свойствах слишком тяжёлой вещи, которую невозможно убедить стать легче.

Из дома вышла Немцева жена с горшком каши. Следом показался младший сын, ещё не до конца проснувшийся. Он сел на порог и стал смотреть, как Кондрат работает. Игнат предложил ему медную монету, но мальчик не взял.

— Мать не велит.

— За так не велит. А ты принеси мне воды, вот и заработаешь.

Мальчик посмотрел на мать. Та пожала плечами, и он побежал за ковшом. Игнат выпил, отдал монету, потом сказал, что теперь они деловые люди. Мальчик улыбнулся. Кондрат заметил, как легко всё это у Игната получалось: чужой двор, чужой ребёнок, пять слов — и уже есть маленькая общая история.

Первая спица вошла туго. Кондрат снял совсем немного дерева, снова примерил, затем попросил Немцева придержать колесо. Игнат поднялся было помочь, но Кондрат резко велел ему сесть.

Во дворе стало тихо.

Немцев посмотрел сперва на одного, потом на другого.

— Вы чего это?

— У него плечо болит, — ответил Кондрат.

— Так у него язык есть.

Игнат опустил на ящик. На лице его появилась та вежливая пустота, с которой он вчера разговаривал с Никанором. Кондрат взял молоток, но ударить не смог. Пришлось положить его и отойти к бочке умыться.

Немцев подошёл следом.

— Ты привёл ко мне человека. У меня дети. Мне надо знать, что с ним.

Кондрат вытер лицо ладонями.

— Это Селиванов.

Немцев слышал фамилию раньше. Кондрат не рассказывал ему дела целиком, но однажды зимой, когда они ночевали в пустой избе и ветер оторвал наружную ставню, сказал достаточно. Немцев перестал терзать бороду.

— Тот?

— Тот.

— И ты его...

— Не убил.

Немцев оглянулся на дом. Жена собирала чашки; мальчик пытался протолкнуть полученную монету в щель между досками порога.

— А собираешься?

Кондрат не ответил сразу. За это время Немцев успел понять больше, чем ему хотелось сообщать.

— Он знает про дочь, — сказал Кондрат.

— Я не про дочь спрашиваю.

Кондрат смотрел в бочку. По воде плавала тонкая светлая стружка, которую ветер принёс с рабочего места.

— У тебя ничего не будет.

— У меня уже есть. Ты сидеть ему велишь, будто он твой арестант. Коль по закону, веди в полицию. Коль не по закону — не делай моего двора своим.

Он говорил негромко, чтобы не слышали у дома. Кондрат мог бы рассердиться; на каторге он научился сердиться быстро, прежде чем чужое слово доберётся до стыда. Но Немцев стоял возле бочки и ждал ответа, как ждал бы решения о негодной лошади или недоставленном товаре.

— Колесо кончу и уйдём, — сказал Кондрат.

— Вот и ладно. А книжку свою покажи, пока не ушёл. Я с тобой ряд закрыть должен.

Кондрат принёс мешок, вынул жестяную коробку, развязал промасленную тряпицу. Немцев просмотрел записи, хотя уже видел книжку весной. Спросил, не вышел ли срок. Кондрат показал нужную страницу.

— В Киренске отметишься, — сказал Немцев. — И здесь перед отъездом зайди. Мне после отвечать неохота, куда мой работник делся.

— Зайду.

— Я бумажку дам, что расчёт со мной кончен.

Кондрат вернулся к колесу. Игнат сидел на прежнем месте, держа ковш на коленях. Когда взгляды их встретились, он ничего не сказал. Это молчание оказалось неприятнее любой насмешки.

Воробьёв пришёл ближе к восьми. Он согласился идти вместо Кондрата, но потребовал тех самых денег, о которых говорил Немцев. Они сторговались на трёх рублях задатка; Кондрат отсчитал их из своих сбережений. Осталось четырнадцать рублей сорок шесть копеек, считая вчерашний заработок. Немцев рассчитался за уже пройденный путь, прибавив ещё четыре рубля восемьдесят копеек. Всё это он занёс в тетрадь и дал расписаться.

Кондрат написал фамилию медленно. Игнат, наблюдавший из-за плеча, сказал:

— Почерк у тебя прежний.

Кондрат не поднял головы.

— Не стой сзади.

К десяти колесо было собрано. Они надели его на ось, прокатали пустую телегу через двор, потом нагрузили мешками. Немцев прошёл рядом, прислушиваясь. На повороте колесо коротко скрипнуло, но не повело; новые спицы стояли крепко.

— Годится, — сказал он. — Не сердись на меня, Кондрат.

— За что?

— Сам знаешь.

Кондрат подхватил мешок. Немцева жена вынесла ему завёрнутые в полотенце хлеб и варёное мясо. Он хотел отказаться, но она уже сунула узел под ремень.

— Посуда вся наша, а полотенце потом как-нибудь вернёшь.

Она сказала это без особенного смысла, по хозяйской привычке. Кондрат кивнул и запомнил полотенце: белое, с двумя синими полосами.

* * *

У полицейского стола Игнат стоял смирнее, чем во дворе.

Книжку Кондрата читали долго. Чиновник в расстёгнутом вороте сверял её с Немцевой запиской, перелистывал назад, опять возвращался к последней странице. На подоконнике остывал стакан с чаем, и Кондрат следил, как по внутренней стенке медленно сползает чайника.

— На место поселения возвращаешься?

— Через Киренск. Родню там разыскать надо.

— Сначала в Киренске объявишься. Дальше куда пойдёшь, скажешь там. В губернский город тебе самовольно нечего.

Кондрат кивнул. Об Иркутске он тогда не думал; слово прошло мимо, как предупреждение о дороге, на которую не собираешься сворачивать.

Чиновник спросил, кто спутник. Игнат подал свой вид, раскрыл на нужном месте, назвал имя и отчество полностью. Кондрат услышал фамилию Селиванов таким обычным голосом, каким её, наверное, слышали десятки людей каждый год. Никто не отодвинулся, не поднял головы, не вспомнил убитого сторожа.

— Вместе идёте?

— До Киренска, — ответил Игнат.

— Родня?

— Старые знакомые.

Кондрат повернулся к окну. В стекле отражался край стола и чужая рука с пером. Можно было сейчас сказать: этот человек одиннадцать лет назад дал ложные показания, а вчера соби-
рался продать какие-то бумаги доверенному Латышева. Потом пришлось бы рассказать, откуда у него письмо дочери и почему на плече Игната синяк. Чиновник посмотрел бы в книжку, где приговор уже был записан, и стал бы выяснять. Кондрат не знал сколько — неделю, месяц, до зимы. Он хотел сперва увидеть живого человека, существование которого ещё вчера было невозможно.

Он промолчал. Когда документы вернули, забрал только свои.

У выхода Игнат выдохнул.

— Спасибо.

Кондрат остановился.

— Не за тебя.

— Понимаю.

Но сказал он это слишком поспешно, и Кондрат понял, что нет, не понимает: считает молчание первой уплатой по новому уговору.

К складу они пришли уже после назначенного Никанором часа. Ворота были открыты. Внутри двое работников передвигали тюки, а низенький человек с перевязанной щекой сидел за столом и листал Игнатову кожаную книжку.

— Меркул, отдай, — сказал Игнат.

— На столе валялось. Мне что, не трогать?

— Не трогать.

Меркул бросил книжку. Игнат поймал её у самого края, быстро перебрал бумаги и наклонился под стол.

— Что ещё ищешь?

— Упало вчера.

— Подмели. Вон в углу.

Кондрат подошёл к куче сора. Среди обрывков рогожи и щепок лежал помятый листок с цифрами. Он поднял его, расправил. Второго листка не было. Игнат взял найденный, глянул и сунул в книжку.

— Конверт не попадался? — спросил он.

Меркул тронул повязку на щеке.

— А я почтальон? Сказано, подмели. Твой светленький приходил, тоже искал. Ему и спрашивай.

Игнат застыл на корточках.

— Когда?

— С полчаса. Сказал, сюда условились. Вы, господа, между собой условливайтесь, а на мой стол не кладите. У меня своего хватает.

На улице Игнат спрятал книжку под сюртук.

— Надо было сразу сюда, — сказал он.

— Что в конверте?

— Ничего. Старый.

— Адрес?

Игнат посмотрел на него и отвернулся.

Кондрат взял его за рукав.

— Чей?

— Курочкиной. Я на обороте считал, потому и выпал. Думаешь, нарочно оставил?

Кондрат отпустил рукав. Тот самый стол, на который он высыпал бумаги, теперь представлялся ему целиком: светлая полоса от ворот, тёмный край, два падающих листка. Он был так уверен, что распоряжается чужой жизнью, что не заметил, куда положил её след.

— На пристань, — сказал он.

— Там нас и найдут.

— А здесь не найдут?

Игнат пошёл рядом. Он уже не спрашивал о пятистах рублях.

У пристани стояли две большие лодки и несколько меньших. На одной, крытой до середины рогожей, Артемий Гушин пересчитывал пустые бочки. Немцев ещё во дворе сказал, что Гушин собирается вниз по Витиму и ему недостаёт работника. Кондрат знал его по прошлому лету: широкоплечий, с постоянно воспалёнными глазами, он щурился даже в тени и никогда не отвечал на вопрос прежде, чем заканчивал начатое движение.

— До слободы возмёшь? — спросил Кондрат.

Гушин перевернул бочку, проверил дно.

— Тебя возьму.

— Нас двое.

Гушин посмотрел на Игната.

— Этот с вёслами знаком?

— Представляли, — ответил Игнат. — Давно.

— Мне недавний нужен. Весло держал?

— Держал.

— Ну и держи. Твою еду сам ешь, за него три рубля. До Витима довезу, там разойдёмся.

Кондрат отсчитал три рубля. Игнат открыл было рот, но Гушин уже отвернулся к мальчишке, который затягивал узел на рогоже.

— Митя, им место покажи. Мешки под крышу, сапоги с грязью в муку не суйте.

Мальчишке было лет семнадцать. Он поднялся с колен и улыбнулся Кондрату щербатым ртом. Не хватало переднего зуба; судя по свежему рубцу на губе, потерял его недавно.

Игнат ступил на борт слишком далеко от середины. Лодка качнулась, он схватился за плечо Кондрата и вскрикнул: правая рука не выдержала рывка. Митя придержал мешок, чтобы тот не упал в воду.

— Спасибо, — сказал Игнат, отдышавшись. — Как тебя?

— Только что сказали.

Гушин засмеялся. Кондрат впервые за это утро почувствовал не злость и не страх, а слабое желание засмеяться вместе с ним. Он не засмеялся, но хватку на Игнатовом локте ослабил.

Они отошли после полудня. Кондрат сидел у кормового весла. Гушин отвёл лодку от берега, Митя подобрал конец причальной верёвки. Игнат устроился под рогожей и принялся перекладывать мешок, выбирая место посуше.

Когда берег начал отступать, Кондрат увидел на тропе над пристанью человека в сером пиджаке. Никанор стоял неподвижно, держа плащ на сгибе руки. Не кричал, не махал, не пытался бежать следом. Просто смотрел, как лодка входит в течение.

Кондрат положил плечо на рукоять весла. Он знал, что течение понесёт их быстрее, чем человек сможет идти берегом. И видел по спокойному лицу Никанора, что тот тоже это знает.

Глава 4. Ниже по воде

На реке от Игната оказалось меньше шума, чем на берегу.

Первые два часа он сидел под рогожей, прижимая мешок коленями, и следил за водой. Вода не казалась ему надёжной даже там, где лежала гладко: он то и дело поглядывал на Гущина, проверяя, не пора ли начинать бояться. Гущин этого не замечал. Он смотрел вперёд, временами подавал Кондрату знак и ругался на Митю за то, что тот оставляет черпак под ногами.

Берега уходили назад. Город скрылся, потом исчезли последние сараи, и по обеим сторонам остались тёмные склоны с редкими светлыми разрывами. Вода у самого борта была прозрачнее, чем издали; в ней вспыхивало солнце, и Кондрат щурился так же, как Гущин. Он чувствовал рукоять кормового весла всем телом. Здесь нельзя было думать непрерывно об одном: поворот требовал взгляда, встречная струя — движения, плавающее дерево — поправки. Река заставляла его оставлять Игната в покое на несколько минут подряд.

Гущин возвращал вниз пустую тару и вёз связку выделанных шкур, зашитых в рогожу. Мука в мешке под навесом была для собственной дороги. Он собирался оставить лодку родственнику в Витимской слободе, а дальше подняться по Лене с товаром. Кондрат спросил, не знает ли он о ближайшем пароходе.

— Узнаем, когда придём.

— Не хотелось бы неделю сидеть.

— Мне тоже. От хотенья дым раньше не покажется.

В середине дня они остановились у низкого галечного берега. Гущин выбрал место, где кусты закрывали небольшую заводь от главной струи. Митя выскочил первым, за ним Кондрат; они вывели нос лодки на гальку и закрепили верёвку за толстый ивовый ствол.

Игнат поднялся, придерживая мешок.

— Оставь, — сказал Кондрат.

— Я переодеться хотел. Весь мокрый сижу.

— Река на тебя не лилась.

— Так я потею. Ты мне и это запретишь?

Гущин расправлял спину, не вмешиваясь. Митя посмотрел на мужчин и отвернулся. Кондрат вдруг увидел себя со стороны: стоит на берегу, ждёт, когда взрослый человек положит узел, и не позволяет тому даже отойти с рубахой. Он взял из своего мешка полотенце Немцевой жены, вынул хлеб и мясо.

— Иди. За кустами переоденешься.

Игнат пошёл, стараясь не спешить. Кондрат отсчитал про себя несколько шагов и последовал за ним. Мешок Игнат поставил на сухой пенё. Снял сюртук, потом жилет и обе рубахи — верхнюю и исподнюю. Вещи он сложил аккуратно, жилет под самые нижние.

На правом плече темнел синяк. Кондрат увидел его целиком впервые. Багровое пятно было шире ладони и доходило почти до ключицы.

Игнат заметил, куда он смотрит.

— Твоя работа.

— Знаю.

— Хорошо знаешь. Удобно тебе.

Он отвернулся и начал вытираться сухой рубахой. Кондрат отошёл к реке, оставив его за кустами. Далеко по берегу всё равно не уйдёшь: выше стояли скалы, ниже густо рос ивняк. Это соображение позволяло думать, что он уступил добровольно.

Гущин развёл маленький огонь. Митя принёс котелок; вода быстро зашумела. Они ели молча, ломая хлеб над полотенцем. Игнат вернулся в чистой рубаше и том же сером жилете. Сел с краю, попросил ножа.

Кондрат не дал.

Гущин протянул свой. Игнат отрезал кусок мяса, вернул нож рукоятку вперёд и сказал спасибо. Кондрат почувствовал жар в лице. Никто не посмотрел на него, оттого было ещё хуже.

Митя спросил, правда ли в Бодайбо открывают театр.

— А тебе зачем? — сказал Гущин.

— Посмотреть.

— Ты и на лодку посмотреть нанялся?

Игнат вмешался раньше, чем мальчишка успел обидеться:

— В театре всё проще. Злодей вышел — музыка заиграла. Сразу знаешь, за кем следить.

Митя засмеялся.

— А ежели музыкант ошибётся?

— Тогда честный человек зря отдувается.

Игнат уже улыбался в ответ и только потом осёкся. Кондрат поднял на него глаза. Слова вышли слишком близко к тому, о чём они оба молчали. Митя ничего не заметил, стал рассказывать про ярмарочного силача, который поднимал бочку, а вечером его били двое маленьких.

После еды Кондрат вымыл полотенце в стороне от места, где набирали воду, и развесил на ветке. На ткани осталось жирное пятно. Он потёр его ещё раз. Немцева жена отдала полотенце без счёта, не потому, что оно было ей не нужно, и почему-то именно это не давало ему оставить пятно как есть.

Игнат подошёл, пока он выжимал край.

— В Енисейске помнишь Харитонову харчевню? Там ты всё скатерть рукавом вытирал. Хозяин сказал, что такого чистого гостя первый раз видит.

Кондрат помнил. Помнил даже, что в тот день Игнат продал двух лошадей дороже, чем рассчитывал, и угостил всех за столом. Тогда было легко говорить «мы»: мы съездили, мы заработали, мы ещё вернёмся к осени. Игнат сидел напротив в новой рубаше, щёлкал скорлупой орехов и обещал привезти Марфе чай.

— Помню, — сказал Кондрат.

Игнат обрадовался слишком заметно.

— Вот ведь. А я думал, забыл. Ты тогда ещё...

— Я и остальное помню.

Игнат замолчал. Кондрат развесил полотенце повыше, там, где достанет ветер, и ушёл помогать Мите с верёвкой.

Вечером Гущин не стал искать жилья. Они причалили на знакомом ему месте, где на высокой отмели были следы нескольких кострищ. За отмелью стоял лес, а над рекой нависала каменная гряда. Пока мужчины разгружали нужное на ночь, Митя собрал сухие ветки. Комары облепили ему шею, он отмахивался локтем, не выпуская охапки.

Кондрат показал, где взять сухую сердцевину у поваленного дерева. Вместе они натаскали дров, растянули рогожу между шестами и положили под неё вещи. Митя всё время хотел сделать лишнее: принести ещё одно бревно, подтянуть узел, поставить котелок самому. Кондрат знал эту торопливость. Мальчишке было важно, чтобы его считали работником, а Гущин привык видеть племянника, которому вчера ещё вытирали нос.

— Ты ему дядькой приходишься? — спросил Кондрат, когда Митя отошёл.

— Женина сестра родила. Рано без отца остался. Взял с собой, а он смотрит всё по сторонам. На реке по сторонам смотреть надо, да не туда, куда ему охота.

Гущин достал из свёртка сухую рубашу и принялся переодеваться, не стесняясь. У него была старая впадина над левым бедром, широкая, с белыми краями.

— Бревном? — спросил Кондрат.

— Лошадь. Тихая была, все её хвалили. Ты со своим за что не ладишь?

Кондрат посмотрел на Игната. Тот сидел на бочке у лодки и вытряхивал песок из сапога.

— Старое дело.

— Так старое на берегу оставляйте. У меня в лодке каждый делает, что велено. Я не могу на вас двоих отдельно смотреть.

— Понял.

— Мне не слово нужно.

Гущин надел рубаху и ушёл к котелку. Кондрат остался стоять под рогожей. На берегу некуда было оставить старое дело: оно сидело на бочке, берегло пятку, ждало ужина.

Ночью пошёл дождь. Сначала редкий, потом ровный, густой. Гущин с Митей легли ближе к лесу, где рогожа была ниже; Кондрат и Игнат устроились у лодки. Сквозь щель Кондрат видел тусклую полосу воды. В темноте река звучала шире, чем днём.

Игнат долго ворочался. Потом спросил шёпотом:

— Ты всё время будешь караулить?

— Спи.

— Я спрашиваю. Ты же сам свалишься.

Кондрат положил мешок под голову. Письмо и квитанцию он перед сном завернул вместе с книжкой в промасленную тряпицу и убрал в жестяную коробку. Туда вода не должна была добраться, если только весь мешок не уйдёт под реку.

— До Киренска, — сказал он.

— А там?

— Там посмотрим.

Игнат помолчал. Над ними зашелестела рогожа: Гущин снаружи подтянул провисший угол, и вода разом вылилась на камни.

— Я ведь ей помогал, — сказал Игнат. — Не только те пять рублей. Раньше больше. Когда Марфа ещё жива была, тоже.

Кондрат не повернул головы.

— Зачем сказал, что я умер?

Игнат вздохнул.

— Она бы всё ждала. Девчонка выросла, ей жить надо. Что ей было ждать? Ты бы оттуда вернулся когда? Через десять лет, через пятнадцать? И каким?

Кондрат сел. Под рогожей пришлось согнуться.

— Ты видел меня тогда?

— Нет.

— Приговор читал?

— Знал, сколько дали.

— А девчонку спросил, хочет она ждать?

Игнат не ответил. В темноте нельзя было разобрать его лицо. Кондрат слышал только дыхание и шорох руки, которой тот тёр больное плечо.

— Я не говорю, что правильно, — произнёс Игнат. — Я говорю, как думал.

— Когда соврал мне, что она умерла, тоже об ней думал?

Дождь усилился. С дальнего края навеса Гущин недовольно кашлянул.

Игнат лёг на спину.

— Не здесь.

Кондрат уже протянул руку, чтобы схватить его за рубаху, но остановился. Рядом спал мальчишка, которому утром держать лодку; Гущин велел оставить ссору на берегу, и берег под ними был единственный на эту ночь. Кондрат лёг снова. У него стучали зубы, хотя холодно не было.

* * *

Утром дождь кончился. Рогожу свернули мокрой, костёр развели с трудом. Митя просыпал горсть крупы и принялся собирать её с полотна, пока Гушин смотрел на реку. Игнат помог ему незаметно, подставив ладонь под край. Кондрат видел это и не знал, какое место дать этому движению среди остальных Игнатовых поступков.

Перед выходом Митя вынул из своего мешка маленькую жестяную коробочку, открыл, пересчитал что-то и спрятал обратно. Игнат спросил, много ли привёз. Мальчишка не ответил.

— Не говори, — одобрил Гушин. — Сам заработал, сам считай.

Митя затянул мешок и уложил его возле носа, под отворот рогожи. Кондрат посоветовал привязать. Мальчишка потянулся за бечёвкой, но Гушин уже велел отдать береговой конец. Митя побежал к дереву; когда вернулся, о мешке забыли оба.

К полудню захотелось выйти на берег и распрямить ноги. Гушин выбрал пологую отмель за поворотом, велел Кондрату подвести корму, а сам взял шест. Митя перебрался к носу с верёвкой. Они собирались пристать к нижней, тихой стороне отмели; выше неё струя шла сильнее и прижималась к затопленному корню.

Игнат тоже поднялся. Взял свой мешок, оглянулся на лес. Кондрат увидел этот взгляд и перестал видеть воду.

— Положи.

— Мне переодеться надо.

— Сказал, положи.

Игнат шагнул к носу. Кондрат выпустил рукоять кормового весла и двинулся за ним. Ему нужно было всего лишь дотянуться до мешка, вернуть на место, не позволить Игнату выскочить прежде остальных. Лодка сразу пошла боком.

Гушин крикнул. Нос скользнул по затопленному корню и резко поднялся. Митя, стоявший на краю с верёвкой в руках, исчез за бортом; вслед за ним вылетел его мешок.

Кондрат увидел над водой шапку, потом затылок. Мальчишка поднял лицо, открыл рот и снова ушёл вниз. Верёвку он выпустил. Её конец лежал на дне лодки, никому не нужный.

Гушин всем весом налёг на шест. Лодку развернуло носом к гальке, днище ударилось о камни. Кондрат прыгнул в воду с нижнего борта. Здесь было по пояс. Он сделал два шага, провалился глубже и оттолкнулся от дна.

Митю несло мимо отмели. Тот пытался плыть к берегу, но мокрая одежда мешала, и каждый взмах только разворачивал его. Кондрат догнал там, где под водой снова почувствовал гальку. Ухватил за ворот; Митя вцепился ему в плечо и потянул вниз.

— За рубаху держись! — выдохнул Кондрат.

Мальчишка не слушал. Кондрат упёрся ногами, повернулся спиной к берегу и стал отступать, прижимая Митю к себе. На третьем шаге камень ушёл из-под пятки. Они оба сели в воду; Кондрат сразу поднялся, таща за собой чужую тяжесть. В рот попала вода с песком. Он чувствовал только землю под ногами и пальцы на шее.

Гушин подбежал от лодки, взял Митю под другую руку. Вместе выволокли его на гальку. Мальчишка упал на колени и закашлялся. Кондрат стоял рядом на четвереньках, не сразу понимая, что уже не надо ничего удерживать.

— Дыши, Митька. Слышишь? — говорил Гушин. — Гляди на меня.

Митя дышал. Кашлял, сплёвывал, пытался ответить и начинал кашлять снова. Игнат вышел из лодки последним. Его мешок был сухой. Он поставил его повыше и остановился в нескольких шагах, не зная, куда деть руки.

Кондрат поднялся. На воде качался Митин мешок. Ещё мгновение он был совсем близко, на границе тихой заводи, затем струя подхватила его, и тёмный бугорок пошёл к середине реки.

— Мешок, — сказал Митя.

Кондрат шагнул к воде. Гуцин схватил его за локоть.

— Хватит уже.

Мешок скрылся за поворотом.

Они задержались на отмели до вечера. Развели огонь, сняли с Мити мокрую одежду, укрыли одеялом, которое Гуцин достал из своего мешка. Митя дрожал, сердился, что все смотрят, и наконец уснул возле тепла. Гуцин всё время проверял, спокойно ли тот дышит. Сам Кондрат переоделся в запасную рубаху. Его мешок, оставленный под средней частью навеса, остался в лодке; жестяная коробка внутри была сухая.

Митя проснулся и первым делом спросил, не прибило ли мешок ниже. Гуцин уже ходил вдоль берега и ничего не нашёл.

— Сколько там было? — спросил Кондрат.

Мальчишка натянул одеяло выше на грудь.

— Восемь сорок.

— Я отдам.

Митя посмотрел на него.

— Там ещё матери платок был. Я купил.

Кондрат замолчал.

— Зелёный, с мелким цветком. Она такой смотрела, когда мы зимой приезжали. Я думал, привезу, она обрадуется.

Гуцин отвернулся к костру.

— Я весло бросил, — сказал Кондрат. — Мне надо было корму держать.

— Видел, — ответил Гуцин.

— Мне сорок четыре года. Должен был сообразить.

— Так соображай дальше. Митька живой, и слава богу.

Он сказал это Кондрату, а смотрел на Митю. Потом полез в свой мешок за сухой рубахой и портянками для племянника.

В этот день больше не пошли. Кондрат перенёс стоянку повыше, натаскал дров, развесил одежду. Игнат держался возле лодки. Однажды Кондрат обнаружил, что не видел его уже несколько минут, и поспешил вниз. Тот сидел на пустой бочке, вытряхивая камешки из старого сапога.

— Далеко я уйду? — спросил Игнат. — Лес кругом. А в лодку один не сяду, не беспокойся.

Кондрат ничего не ответил. Поднялся обратно к костру.

К вечеру Митя перестал дрожать. Кашлял уже редко, но, когда Гуцин заговорил о завтрашнем выходе, опустил глаза. Игнат сел возле него и спросил, страшно ли было.

— Нет, — ответил Митя.

— А мне всё время страшно. Как берега не достать рукой, так и страшно. Я у Гуцина гляжу: если он ещё не молится, значит, пока можно сидеть.

Митя неожиданно засмеялся, потом закашлялся и рассердился на смех. Игнат не стал его похлопывать или утешать. Остался рядом, разглядывая огонь.

Кондрат разрезал хлеб. Предложил Мите свою долю мяса, но тот покачал головой.

— Не хочу.

— Оно хорошее.

— Я сказал, не хочу.

Кондрат убрал мясо. Через минуту Митя взял кусок у Игната. Кондрат отвёл взгляд и больше не предлагал.

Глава 5. Пустая лодка

На третий день Митя попросил поставить его к кормовому веслу.

Гущин поглядел на племянника, потом на Кондрата.

— Дам, где вода спокойная. На поворотах сам встану.

— Я умею.

— Умеешь. А я учиться буду рядом.

Митя принялся закатывать рукава дядькиной рубахи. За ночь он отогрелся, перестал кашлять; только подходил к лодке медленнее прежнего и прежде, чем ступить, пробовал ногой, крепко ли держится борт. Его прежняя рубаха высохла, но была порвана на плече там, где Кондрат тянул за ворот. Митя молча сложил её. Из своего дорожного добра у него остались эта одежда, шапка, которую Гущин выловил у берега, и документ: его дядька с самого выхода держал вместе со своими бумагами.

Кондрат занял место на боковом весле. Игнат сел напротив. Теперь оба гребли, а Гущин стоял возле Мити и показывал, когда начинать движение. Игнат работал неловко, быстро уставал и просил передышки без шуток. Сидеть одному, пока остальные везут его, Гущин больше не позволил.

День выдался жаркий. Ветер слабел на каждом закрытом повороте, и под рогожей становилось душно. Когда Гущин сменил его на повороте, Митя перебрался к краю тени, снял шапку. Волосы у него на затылке были подстрижены неровно, будто стригли дома, стараясь закончить побыстрее.

Игнат спросил, кто его стрижёт.

— Мать.

— Хорошо стрижёт. Ни у кого такого нет.

Митя улыбнулся, но отвернулся, чтобы не увидел дядька.

Кондрат давно не стриг никого, кроме себя. Свою голову он подравнивал на ощупь короткими ножницами из жестяной коробки; потом Немцев иногда поправлял затылок. Прежде эту работу делала Марфа. Сажала его возле окна, велела не вертеться и каждый раз жаловалась, что от волос он чешется раньше, чем она успевает прикоснуться.

Последний раз она стригла его перед тем самым отъездом.

Дом стоял на окраине Енисейска. В сених пахло стружкой: Кондрат чинил соседскую телегу и не успел вынести мусор. Марфа стригла, а Нюра на полу раскладывала орехи по блюдам. Ей было тринадцать, она уже стеснялась детских игр и потому называла это счётом для хозяйства. За окном ждал Игнат. Он не хотел заходить, чтобы Марфа не начала спрашивать о дороге.

— Опять с ним? — спросила она.

— Работа есть.

— И прежде была. Он приходит — тебе сразу своей мало.

Кондрат тогда рассердился. Не громко; Марфа перестала двигать ножницами и ждала, пока он договорит про нужду, про дом, про то, что Нюре скоро приданое собирать. Она выслушала, стряхнула волосы с его воротника и сказала, что приданое тринадцатилетней девочке ещё можно не покупать ценой дурной дороги.

Она знала не всё. Только то, что Игнат избегал говорить о плате при других и слишком часто повторял: дело короткое.

Кондрат знал больше.

Золотой песок купили тайно, мимо положенного учёта. Чей он был первоначально, Кондрат не спрашивал. Ему предложили провести лошадей с грузом и выбрать места ночёвок так, чтобы не задерживаться возле лишних людей. Плата была такая, что можно было заменить

крышу и купить Марфе швейную машину не в долг. Он сам согласился. Никто не держал ножа у его руки, когда он взял задаток.

В дороге Игнат говорил о будущем. У Латышева, уверял он, есть ещё дела, и если они покажут себя надёжными, можно будет перестать наниматься на каждый сезон. Кондрат слушал вполуха. Ему нравилось знать, что работа стоит дороже, чем обычно, и не нравилось думать почему. Он нашёл удобный способ соединить одно с другим: не задавал вопросов, на которые уже мог ответить.

На третью ночь остановились возле старой сторожки у лесного склада. Сторож Павел Корнеев раньше знал Игната, поэтому впустил их без спора. Был он человек худой, сутулый, с привычкой держать ладонь на пояснице. Угощая чаем, рассказал, что сын собирается жениться и просит прислать денег. Игнат пообещал при случае устроить парня на хорошее место.

Потом у одной лошади разошёлся ремень на выюке. Кондрат повёл её к ручью, где было просторнее перевязать, и оставил Игната со сторожем. Когда возвращался, слышал спор, но слов не разобрал. Он ещё задержался у ограды, подбирая обронённую пряжку. Ему казалось важным не потерять хорошую железную вещь.

Корнеев лежал возле стола. Голова была повёрнута к стене, одна нога согнута. На полу стояла опрокинутая чашка; чай растекался к порогу, смешиваясь с кровью. Игнат сказал, что нашёл его так, когда вышел из сеней.

Кондрат сразу усомнился. Он спросил, где был Игнат, и тот ответил слишком подробно: ходил к лошадям, искал верёвку, возвращался, слышал шаги за стеной. Кондрат помнил, как смотрел на его рукав. Рукав был мокрый выше запястья.

Но спорить он начал не тогда.

Сначала попытался поднять Корнеева, потом побежал к соседнему складу звать людей. Игнат остался в сторожке. Позже узел с песком нашли под перемётной сумой Кондратовой лошади. Когда Кондрат уходил звать помощь, узел ещё лежал в сенях; перенести его мог Игнат. Тот стоял поодаль и говорил, что понятия не имеет, чем его товарищ занимался в одиночестве.

На первом расспросе Кондрат соврал про груз. Сказал, что везли обычные дорожные вещи. Испугался, что правда о песке сделает его виновным и в крови. Потом, когда ложь раскрылась, каждое новое объяснение звучало как следующая ложь.

Игнат утверждал, что Кондрат вернулся к сторожу один, а он остался у лошадей. Подтверждал спокойно, повторял одними и теми же словами. Кондрат кричал. У него забрали окровавленную рубаху, в которой он поднимал Корнеева, и рабочий нож, испачканный после того, как он пытался разрезать ворот у раненого. Кондрат думал, что происхождение этой крови ещё успеют выяснить.

Латышев пришёл к нему один раз. Сказал, что денег на хорошего защитника не жаль, только не надо плести небылицы о людях, которые всего лишь давали работу. Кондрат ещё надеялся, что тот поможет. За эту надежду ему было стыднее, чем за крик.

После приговора Марфа смотрела на него через чужие плечи. Рядом с ней стояла Нюра в платке, повязанном по-взрослому. Он хотел сказать дочери, чтобы не верила. Не успел. Марфа сама крикнула, что будет писать, и её голос перекрыл все остальные.

Весло Игната ударилось о воду неровно, забрызгав Кондрату колени.

— Вместе берите, — сказал Гуцин.

Кондрат попал в движение, и лодка пошла спокойнее. У него выступил пот. Он оглянулся на корму. Гуцин уже снова уступил место Мите. Мальчишка смотрел на воду, сжав рукоять обеими руками; теперь он сам выбирал, когда удержать и когда подать. Гуцин стоял за его плечом и не отнимал весла на каждом малом отклонении.

Корнеев тоже когда-то кого-нибудь стриг. Или его стригли. У него был сын, который собирался жениться. Кондрат годами помнил его как лежавшее у стола тело, начало собственной беды, и только сейчас вспомнил рассказ о свадьбе.

Он повернулся к Игнату.

— У Корнеева сын был. Ты знаешь, что с ним?

Весло Игната остановилось на половине движения.

— Не знаю.

— Ты обещал его устроить.

— Мало ли что за чаем говорится.

Гущин посмотрел на них, но не спросил. Игнат снова взялся за весло. Кондрат видел, как его пальцы слишком сильно стиснули рукоять.

* * *

К вечеру они пристали возле пустого зимовья. Гущин останавливался здесь прежде и знал, где под стеной спрятана сухая растопка. Дверь разбухла; пришлось приподнять её за край. Внутри было тесно, пахло старым дымом и мышами, но печь сохранилась целой.

Лодку втянули носом на берег и привязали к двум деревьям. Гущин проверил оба узла. Из груза взяли только еду, котелок и личные мешки; пустые бочки оставили под рогожей. Кондрат положил рядом с дверью охапку дров. Митя сидел на лавке, шил порванный ворот своей рубахи одолженной у дядьки иглой.

Кондрат открыл жестяную коробку и отсчитал восемь рублей сорок копеек. Положил на лавку рядом с мальчишкой. У него самого осталось семь восемьдесят шесть.

— Возьми. Я должен.

Митя не сразу отложил шитьё. Спросил:

— А на дорогу тебе хватит?

— Наймусь, если не хватит.

— Дядька сказал, ты мог пройти мимо и не успеть меня схватить.

Кондрат сел на другой конец лавки.

— Мог.

— Я плавать умею. Только сапоги тянули.

— Они мешают.

Митя пересчитал деньги. Сложил бумажки отдельно от серебра, разложил медь на две кучки. Потом пересчитал снова и сгрёб в ладонь.

— За платок не надо, — сказал он. — Я сам куплю. Ещё заработаю.

— Хорошо.

Митя попросил Гущина дать кусок полотна, сделал маленький узел и спрятал деньги у себя на груди. Кондрат остался сидеть, пока Митя не попросил подвинуться: у него за спиной лежали ножницы.

Ужинали внутри. Игнат достал из своего мешка маленькую деревянную солонку, предложил всем. Гущин взял щепоть, сказал, что свою забыл у лодки. Митя посолил слишком сильно и потом доливал в чашку воды.

Кондрат спросил Игната, откуда тот знает Латышева теперь.

— Работал с ним.

— Всё эти годы?

— Нет. То сходились, то расходились. Он в Иркутске теперь, люди у него по разным местам.

— А Никанор?

— Из его людей.

— Это я слышал. Что за человек?

Игнат отставил чашку.

— Такой, которому не надо вторично объяснять, если ты передумал платить.

Гущин перестал есть.

— За вами кто-то идёт?

Кондрат встретил его взгляд.

— Не знаю.

— А этот знает?

— Тоже не знает.

— Ты за себя говори, — сказал Гущин.

Игнат быстро заговорил о торговом споре. Что сумма ещё не сошлась, что никакой кражи не было, что Никанор только хочет получить бумаги прежде расчёта. Гущин слушал, не двигая чашки. Потом сказал:

— В Витиме сойдёте. Я вас дальше никуда не сватаю.

— Мы и не просили, — ответил Игнат.

— Так и не просите.

Кондрат вышел к лодке. Над рекой ещё светлело небо, а под деревьями уже было темно. Он проверил верёвки, принёс забытую соль и постоял у двери. Внутри Игнат рассказывал Мите, как однажды перепутал два сундука и отправил купчихе вместо платьев запасные подковы. Мальчишка смеялся, зажав коленями недошитую рубаху. Кондрат слышал эту историю раньше. Тогда вместо купчихи был священник, а вместо платьев — церковные книги. Игнат умел менять рассказ под слушателя, сохраняя смешное.

Кондрат не стал его поправлять. Вошёл, поставил соль и лёг у двери, положив ножны под собственную руку. Мешок он пристроил за головой, чтобы никто не мог достать коробку, не задев его.

Игнат лёг последним. Кондрат слушал, как тот снимает сапоги, развязывает пояс, вздыхает, подбирая положение для больного плеча. Потом в печи осыпался уголёк, и все звуки начали удаляться.

Проснулся он от холода. Дверь была приоткрыта.

Первым делом он нащупал мешок. Коробка внутри лежала на месте. На лавке, где спал Игнат, осталась только смятая подстилка. Ни мешка, ни сапог не было.

Кондрат сел. Митя смотрел на него из темноты.

— Когда вышел?

Мальчишка промолчал.

Кондрат поднялся, не повторяя вопроса. За дверью слышалась вода. Свет над рекой уже начал возвращаться; деревья стояли чёрные, но гальку под ногами можно было различить.

Лодка качалась у берега. Игнат стоял по колено в воде, держась за борт. Один конец был отвязан, другой тянулся к дереву. Игнат пытался стянуть петлю с сучка, не выходя на берег, и от этого лодка разворачивалась поперёк.

— Оставь, — сказал Кондрат.

Игнат вздрогнул. Отпустил верёвку, потом схватил снова.

— Я не уйду с тобой.

Кондрат спустился к воде.

— Из-за твоего плеча далеко не угребёшь.

— Вниз понесёт.

— На первом повороте и понесёт.

Он взялся за оставшийся конец и потянул лодку к берегу. Игнат попытался оттолкнуть её ногой, поскользнулся на камне, но удержался за борт. Его мешок лежал внутри возле носа.

— Ты лодку у них крадёшь, — сказал Кондрат.

— Оставлю ниже. Скажу, чтоб вернули.

— А им здесь сидеть?

— Нас найдут в Витиме. Ты слышал? Найдут. Мне нельзя с тобой.

Кондрат подтянул конец ещё на полшага. Нос лодки скрежетнул по камням. Игнат стоял по другую сторону, мокрые штанины прилипли к ногам. До него можно было дотянуться, но Кондрат не полез через борт. Закрепил верёвку, поднял мешок Игната и вышвырнул на берег.

— Вылезай.

Игнат обошёл нос. Кондрат схватил его за ворот сюртука. Тот дёрнулся и сразу ударил левой рукой, коротко, снизу. Кулак попал Кондрату в скулу. Он почти не почувствовал боли; только голова откинулась, и во рту стало солоно.

Кондрат ударил в ответ. Игнат согнулся, упёрся ладонью в борт. Второго удара не было: сверху Гушин крикнул так, что Митя показался в дверях зимовья.

— Руки убрали оба!

Кондрат отступил. Гушин спустился между ними, поднял конец с земли, увидел отвязанный узел.

— Ты её сдвинуть хотел? — спросил он Игната.

Игнат молчал, прижимая ладонь к животу.

— С моей мукой, с моими шкурами? Нас тут четверо. Или уже трое, по твоему счёту?

— Я бы оставил.

— Сиди.

Гушин указал на камень. Игнат сел. Теперь приказ был тем же самым, но Кондрату не хотелось его поддерживать. Он стоял, чувствуя, как наливается разбитая губа.

— До слободы довезу, — сказал Гушин. — Там сходите. Если ещё раз ночью тронешь лодку, пойду с тобой к полиции. Знаешь, за что. И ты, Кондрат, кулаки при мне не распускай. Мне не важно, сколько вы друг другу должны.

Он забрал Игнатов мешок, отнёс в зимовье. Кондрат остался возле Игната.

— Вид давай, — сказал он.

Тот поднял голову.

— Сам ещё в тюрьму хочешь?

— Давай.

— Не имеешь права.

— Не имею.

Кондрат протянул руку. Игнат смотрел на неё долго, потом достал бумажник из внутреннего кармана. Документ был сложен отдельно от денег. Кондрат взял только его, после паузы потребовал и кожаную книжку с дорожными бумагами. Игнат бросил её ему под ноги.

— Подбери, коли заработал.

Кондрат подобрал книжку. Игнат и без документа мог сесть в чужую лодку, но на следующем людном месте ему пришлось бы объяснять отсутствие вида. Кондрат хотел сделать побег труднее и не искал для этого другого названия.

— В Киренске верну.

— А до Киренска я тебе что, собака?

Кондрат не ответил. Спрятал бумаги за пазуху и пошёл к зимовью.

Митя стоял у двери. Когда Кондрат подошёл, мальчишка сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.